

Глобалистские императивы рукотворного кризиса

Кто такие “гуманисты”, и как они воюют
против человечества

Владимир Павленко

Испытание кризисом: от экономики к политике

Ряд влиятельных экспертов справедливо указывают на противоречивость итогов Лондонского саммита “Группы двадцати”, наглядно демонстрируемую, что основные новости пришлись не на сам саммит, а на завершающий период подготовки к этому претенциозному мероприятию. В частности, отмечается:

– мощная политическая и информационная раскрутка темы замены доллара в качестве мировой резервной валюты “*SDR*” – условной валютой МВФ. В связи с этим упоминаются соответствующие предложения президентов Казахстана и Российской Федерации Н.А.Назарбаева и Д.А.Медведева, заявление главы Народного банка Китая Чжао Сяочуаня и др.;

– негативный ответ на эту инициативу президента США Б.Обамы, главы Федеральной резервной системы (ФРС) Б.Бернанке, министра финансов США Т.Гайтнера;

– фактическое снятие официальных “Предложений РФ к саммиту «Группы двадцати»” (еще до начала самого саммита) – с занятием тем самым российским руководством некоей выжидательной позиции.

Комбинация этих маневров, по мнению влиятельных членов экспертного сообщества, позволила “двадцатке”, по сути, уклониться от принятия реальных мер, подменив их некоей виртуальной стабилизацией¹.

С другой стороны, несмотря на это, после Лондона без всяких видимых

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук.

Ключевые слова: “Группа двадцати”, устойчивое развитие, гуманизм, глобальные институты, “новый мировой порядок”, масонство.

причин изменился характер информационного сопровождения кризиса. Рядом СМИ стало активно тиражироваться наличие неких позитивных тенденций в развитии глобальной экономической ситуации, позволяющих рассчитывать на “выздоровление” мировой экономики уже в текущем или следующем году. В этом вопросе разделились и официальные российские должностные лица.

Так, Председатель Правительства РФ В.В.Путин в интервью японским СМИ указал на появление в экономике позитивных тенденций, а А.Л.Кудрин, А.В.Улюкаев, А.Н.Шохин тем временем продолжают отстаивать неизбежность “второй волны кризиса”, которая, по их мнению, обрушится на мировую экономику уже в начале следующего десятилетия.

Откуда такие разночтения?

Судя по всему, они объясняются тем, что, как бы парадоксально это ни звучало, имеет место не сам “кризис”, а лишь его “генеральная репетиция”, решающая ряд задач, считающихся его организаторами важными.

Например, выявление оппонентов и алгоритма их действий. А также оптимальных путей дальнейшего решения глобальных проблем.

Этим, на наш взгляд, и объясняются упомянутые столкновения в преддверие саммита “двадцатки” (как и дипломатические демарши, вроде угроз президента Франции Н.Саркози досрочно покинуть Лондон). Поэтому, с одной стороны, на самом саммите англосаксонская позиция получает явный перевес над европейской (от которой по мере прояснения этой ситуации отходит и Россия), а с другой – и вроде бы победившая англосаксонская позиция

тоже отнюдь не едина; на данном этапе ее фигурантам пока удалось достигнуть компромисса в вопросе о сохранении доллара в качестве мировой резервной валюты, причем, без его покрытия реальными активами. Но не более того.

Дальнейшая финансовая накачка МВФ, о которой договорились в Лондоне, может оказаться исходным пунктом разнонаправленных процессов – как возвращения США роли локомотива глобального развития, так и принесения американских национальных интересов в жертву “гиперглобалистским” амбициям стратегического альянса “международных банкиров”: Ротшильдов, Рокфеллеров, Морганов и др., представляющих верхний слой американской и британской элит.

Иначе говоря, выступая ядром мировой финансовой системы, структуры “Вашингтонского консенсуса” могут сыграть на стороне обеих обозначенных групп интересов*. Все громче, особенно в связи с заявлением постоянного представителя России при НАТО Д.О.Рогозина (о возможности заговора внутри Североатлантического альянса против Обамы), звучат голоса тех аналитиков, кто ищет ответ на вопрос о глобальных перспективах в том, какая из двух обозначенных тенденций возьмет верх².

Нарастанием противоречий в этом ключевом, на наш взгляд, звене “глобальной игры” объясняется наблюдаемое сегодня распространение кризисных тенденций на политическую сферу. Предложение Федерации американских ученых нацелить ядерные силы США на российские промышленные объекты, равно как и включение центром

* Ключевое звено здесь – ФРС, подвергающаяся воздействию со стороны как администрации Б.Обамы, так и держателей контрольных пакетов акций образующих ее банков, являющихся одновременно членами совета директоров Банка Англии.

“Eurasia Group” России в перечень зон стратегической нестабильности, а также рост напряженности в Закавказье, связанный с учениями НАТО в Грузии, угрозами Израиля в адрес Ирана и интенсивный розыгрыш Западом “армянской карты” указывают на нашу страну как на объект деятельности не только “ястребов”, которых президент Центра Никсона Д.Саймс именует “либеральными интервенционистами”³, но и уживающихся с ними в администрации США “голубей”. И для тех, и для других непременным условием выживания современной западной цивилизации является “вторичное” освоение постсоветского пространства за счет распада Российской Федерации, а возможно и других его субъектов, например Украины.

Из взгляда на стратегию как не столько на применение силы, сколько на использование силового потенциала, сформулированного американскими “мозговыми центрами” еще в годы “холодной” войны⁴, вытекает определенная последовательность их действий: сначала – обезоруживание России за счет более чем двукратного сокращения ее ракетно-ядерного потенциала, которое должен обеспечить “добрый следователь” (например, Обама); затем наступит черед “злого” – реализация бескровного (для Запада) сценария расчленения нашей страны по плану, сформулированному еще в 1995 г. тогдашним президентом Б.Клинтоном, тщательно отретпированному в последующие годы на Балканах.

Отсюда – главная метаморфоза в современных российско-американских отношениях: с одной стороны, практически всеми аналитиками подчеркивается сравнение американской риторики по сравнению с прошлым кризисом в Южной Осетии, а с другой – в

каждом конкретном пункте этих отношений наблюдается отнюдь не усиленно декларируемая “перезагрузка”, а, скорее, наоборот – та самая “перегрузка”, на кнопку которой весьма символически нажимали на февральской женевской встрече руководители внешнеполитических ведомств Российской Федерации и США – С.В.Лавров и Х.Клинтон.

Выдвижение России на передовой рубеж противостояния с глобальными центрами влияния подтверждается и появлением именно в данный момент нашумевших инициатив Г.Х.Попова⁵, показательное избравшего их адресатом не российское руководство, а “двадцатку”. Представленная г-ном Поповым апологетика “нового глобализма” опять-таки увязывает экономические аспекты преодоления кризиса (в том числе упомянутое введение новой мировой валюты) с политическими – созданием “новой ООН”, “Мирового парламента”, “Мирового правительства” и т.д. Нельзя не отметить, что большинство этих предложений – от критериев допуска государств к участию в глобальной социально-экономической и политической перспективе до требований подчинения так называемому “мировому сообществу” национальных ядерных и сырьевых комплексов, а также демографической динамики – как бы специально сформулированы таким образом, чтобы оставить Россию за бортом провозглашаемой им “новой цивилизации”.

Это – очевидный вызов нашей стране, причем по действительно ключевому вопросу современной глобальной повестки. И связан он с наиболее масштабной с 1991 г. попыткой пересмотра существующего миропорядка в пользу “нового”, точнее, с доведением начатых тогда перемен до логического завершения.

“Новый мировой порядок” и его апологеты

Прежде всего, подчеркнем: добровольный отказ от продвижения к “новому мировому порядку” тех, кто его задумал, невозможен. Как невозможна и равноправная интеграция в этот проект России – основного объекта экспансии, обладателя не дающих покоя ее организаторам природных ресурсов.

Сначала о том, что подразумевается под “новым мировым порядком”.

Современные энциклопедические источники рассматривают его “идеологической и геополитической концепцией, ...составившей политическую основу мондиализма, равно как и воззрений Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба, Трехсторонней комиссии”. Особую важность для нашего анализа имеет дополнение этой трактовки такими характеристиками как “универсализм”, в том числе духовно-культурный и религиозный, а также “постиндустриализм” и “гуманизм”⁶.

Признавая роль данной концепции как “одной из предтеч современной глобализации”, авторы приведенных определений, сами явно не чуждые мондиалистским императивам, тем не менее, уклончиво ограничивают период ее разработки биполярным противостоянием СССР и США, что не соответствует действительности. На самом деле “новый мировой порядок” – это переоформленная в 1990–1991 гг., то есть, как раз по завершении “холодной” войны, концепция “мирового правительства”.

В процессе исследования проблем глобализации в международно-политической науке сложились два основных сценария глобального развития.

Первый из них рассматривает историческую перспективу через призму “конца истории” – завершения строительства однополярного мира – в различных вариантах: мирового наднационального государства (глобальной империи с “мировым правительством”), институционального управления (международной организации как суррогатного “мирового правительства”), кооперативного управления (децентрализованного глобального гражданского общества) и т.д.

Второй сценарий – строительство многополярного мира. Сегодня, в том числе и в процессе подготовки к лондонскому саммиту “двадцатки”, много говорилось и говорится о вероятности деструкции и распада современных глобальных институтов и путях заполнения образовавшегося вакуума. Предполагается, что ведущие международные и региональные субъекты в этом случае либо сформируют собственные локальные институты, либо выведут на этот уровень существующие региональные.

Автору принятие данного сценария кажется маловероятным. Построенный на принципах “*Realpolitik*”, он был бы ограничен традиционным равновесием, которое может поддерживаться лишь сохраняющейся возможностью каждого из формирующих его субъектов в одиночку противостоять не только любому из остальных, но и созданной ими коалиции. По сути, это возврат к “концерту держав” XIX в., который явно не устроит “демиургов” “нового мирового порядка”, ибо пустит на ветер результаты их уже почти двухсотлетних усилий*.

* В рамках гипотетической “новой Венской системы” не исключена ни поливариантность и, стало быть, самостоятельность внутреннего развития различных “центров силы”, ни реставрация блоковой политики.

Поэтому куда выше, на наш взгляд, вероятность другого, более сложного сценария, описанного Зб.Бжезинским в заключении к “Великой шахматной доске”, а именно: “...цель политики США должна состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере, на одно поколение..., и необходимости создать *геополитическую структуру* (выше Бжезинский уточняет, что речь идет о “трансевразийской системе безопасности” в среднесрочной перспективе и о “мировом центре совместной политической ответственности” в долгосрочной – *Авт.*), которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные *социально-политическими переменами...*”⁷ (курсив – *Авт.*).

Иначе говоря, осознавая проблематичность реализации однополярного сценария, Бжезинский предлагает замаскировать американское и, в целом, западное доминирование некоей абстрактной “взаимной ответственностью за управление миром без войн”. (В эту канву очевидно укладываются нынешние старания Бжезинского по созданию некоей G2 – глобального альянса США с Китаем).

Очевидно, что план Зб.Бжезинского представляет собой нечто среднее между упомянутыми моделями кооперативного управления и многополярного мира. Понятно также, что с помощью “глобального гражданского общества”, особенно если рассматривать его в контексте выведенной Ж.Аттали перспективы формирования “цивилизации новых кочевников”, осуществлять такое управление будет невозможно, ибо с точки зрения методологии любая сис-

тема, даже децентрализованная, не может существовать вне принципа целостности. Например, по М.Кастельсу, сетевая, то есть децентрализованная логика ведет к появлению социальной (а, стало быть, и политической – *Авт.*) детерминанты более высокого уровня, нежели интересы, формирующие саму сеть⁶.

Очевидно, что именно эта логика способствует вплетению в контекст нынешнего кризиса уточнения (если не сказать, фактического пересмотра) концепции “нового мирового порядка” – обратно, в пользу “мирового правительства”. В связи с этим ощущается необходимость более подробного анализа предложений Г.Х.Попова – но не самих по себе (экспертным сообществом это уже успешно проделано^{1,9}), а на предмет того, чьи именно интересы здесь проводятся. Для этого требуется их рассмотрение вне достаточно узких рамок лондонского саммита, которому они формально адресованы, а также увязка с основополагающими теоретическими и политическими документами современного глобализма. К ним автор относит:

– концепцию “устойчивого развития”, основные положения которой были сформулированы в докладе Всемирной комиссии по проблемам окружающей среды и развития (ЮНСЕД) под председательством Г.Х. Брунтланд (1987 г.) и одобрены Конференцией ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.)*. “Устойчивое развитие” в них недвусмысленно связывается с определенным социальным порядком (“демократическим и рыночным”); кроме того, впервые ставится задача формирования так называемой “культуры мира” и унифи-

* Развитию данной концепции служит “Декларация тысячелетия” (2000 г.), провозгласившая “общую обязанность” государств и правительств по “управлению глобальным экономическим и социальным развитием”.

цирующего института “мирового гражданства”⁶;

– третье издание Гуманистического манифеста (2000 г.)¹⁰, которому, по утверждению самих авторов этого документа во главе с президентом Международной академии гуманизма П.Куртцом, предшествовали его первое (1933 г.) и второе (1973 г.) издания, а также Декларации “светского гуманизма” (1980 г.) и “взаимной зависимости” (1988 г.), последовательно, шаг за шагом, развивавшие секулярные идеи – от первой еще робкой постановки вопроса о “нетеистическом религиозном гуманизме” (то есть, по сути, о “протестантизации” христианского гуманизма) в первой половине XX в. до нынешней беспощадной обструкции религий и религиозного мировоззрения под грубо сфабрикованным предлогом отсутствия “достаточных объективных, рациональных и экспериментально подтверждаемых свидетельств в пользу их достоверности”^{*} (А.И.Солженицын – и тот, к явному неудовольствию приютивших его в эмиграции западных “благодетелей”, публично попенял им на “перерождение гуманизма”¹²);

– “Принципы” и материализующую их “Организационную структуру” “Хартии Земли”¹³ как проекта, который его инициаторы в лице экс-президента СССР М.С.Горбачева и генерального секретаря упомянутой конференции ООН М.Ф.Стронга, заручившиеся, в свою очередь, поддержкой влиятельных западных лидеров – Дж.Буша-старшего, Дж.Картера, Р.Рейгана, М.Тэтчер и др., позиционируют некой мировой “конституцией”, помещающей вышеназванный институт “мирового гражданства” в конкретную политическую форму, образованную совокупностью опосредующих государства и правительства глобальных горизонтальных связей.

Во-первых, с одной стороны, все эти документы представляют собой естественный, логически отточенный и осовремененный результат эволюции соответствующих ранних проектов – Лиги Наций (В.Вильсона – Э.М.Хауза), “Открытого заговора” (Г.Уэллса), “Панъевропейского союза” (А.Бриана – Р.Куденхова-Калерги), “мирового правительства” (Б.Рассела – А.Эйнштейна),

* Говорить именно о “грубой обструкции” под “сфабрикованным предлогом” автору позволяет отсутствие реакции, граничащее с откровенным замалчиванием сторонниками подобных взглядов современных научных разработок, прежде всего в сфере теоретической физики. Между тем, группой ученых Курчатовского института обнародована (2008 г.) поляризационная теория мироздания, рассматривающая процессы, протекающие в микро- и макромасштабах с позиций взаимопроникающего единства материи и сознания. Причем, сознание в данном случае рассматривается не в примитивно-материалистическом смысле – как “функция человеческого мозга”, а в более широком плане – как объективно существующая информационная программа, которая, взаимодействуя с материей, обеспечивает ее эволюцию в строго заданном направлении. Эта эволюция осуществляется в специально отведенных для этого участках мироздания – “гравитирующих вселенных” (к которым принадлежит и наша Вселенная), за пределами которых реализуются только стационарные состояния. Авторы теории подводят серьезную научную базу под неоднократно высказывавшиеся гипотезы о том, что пространство и время являются характеристиками только нашей Вселенной, которая представляет собой лишь малую, “видимую” часть мироздания, что наблюдаемые “паранормальные” явления указывают на ее связь с “непроявленными” мирами и т.д.¹¹

Сам факт постановки данного круга вопросов в рамках фундаментальной научной теории является доказательством спорности вульгарно-материалистических подходов, сформированных научно-технической революцией XX в. и, тем более, неправомочности каких-либо “окончательных” выводов относительно соотношения научного и религиозного подходов.

разработок Римского клуба и т.д. Увязка их со статьей Г.Х.Попова позволяет проследить общую динамику развития подобных воззрений – от неудавшейся ввиду появления в Уставе ООН права вето ставки на институциональное глобальное доминирование США и Великобритании, союз которых автор рассматривает “англосаксонским глобальным центром”, до современных, якобы “гуманистических” интерпретаций глобализма*.

Во-вторых, по мере принятия и информационной раскрутки рассматриваемые документы обросли многочисленными вторичными продуктами их жизнедеятельности в виде различного рода “хартий”, проектов и программ, не только развивающих и уточняющих соответствующие базовые положения, но и наполняющих их конкретикой, позволяющей рассматривать их элементами общего глобалистского замысла. Особое место, как мы убедимся в дальнейшем, в этом замысле отводится не столько доктринам НАТО или идеям “правозащитников” из ОБСЕ или Совета Европы, сколько принятым на переломе эпох Парижской хартии для новой Европы (1990 г.) и Хартии об основных правах Европейского союза (ЕС) 2000 г.

В-третьих, содержательное сравнение концепции “устойчивого развития”, Гуманистического манифеста и документов “Хартии Земли” с “мартовскими тезисами” Г.Х.Попова дает некоторое представление о путях уп-

равления нынешним кризисом, а также об осуществляющих его институтах не только легальных, но и закрытых – латентных и тайных, прозванных в свое время И.А.Ильиным “мировой закулисой”.

Кроме того, побочным результатом подобного анализа является примерное выявление роли и места занимаемого г-ном Поповым в “табели о рангах”, а возможно и в иерархии подобных структур. Поскольку место это, по-видимому, далеко не последнее, то большинство откровений данного персонажа вполне могут рассматриваться косвенным указанием на основные направления корректив, вносящихся по ходу дела в соответствующие планы.

Небольшое, но важное уточнение: обсуждение концепций “нового мирового порядка” и “устойчивого развития”, несмотря на кажущееся различие их проблематики, происходило практически одновременно, в 1990–1991 гг., в Аспенском институте гуманитарных исследований (США, штат Колорадо). Внимание также привлекает и то, что доклад по “новому мировому порядку” был облечен в максимально институционализированную форму ежегодного послания Конгрессу США президента Дж. Буша-старшего (1990 г.). При этом практическая сторона его реализации рассматривалась Советом по международным отношениям – своего рода “теневым” (закулисным) правительством США, располагающим не только интеллектуальным, но и неформальным организационно-властным ресурсом.

* Здесь, помимо всего прочего, важно уточнить значение самого термина “глобализм”, предносимого его сторонниками, подобными г-ну Попову, в виде принципа или мировоззренческой установки, обеспечивающей доминирование глобальной компоненты над национально-государственной^{6,7}.

Куда более адекватным, однако, видится иное толкование глобализма – как конкретной политики, осуществляемой в интересах упомянутого “глобального центра”¹⁴.

Исходя из всего сказанного, более понятными становятся как источники нынешнего перетекания кризисных тенденций из социально-экономической в политическую сферу, но и пути, а также

способы противодействия угрозам, которые создаются этими тенденциями национально-государственному суверенитету России и других субъектов постсоветского пространства.

“Нанайские мальчики” и “управляемый хаос”

Итак, первое. Г.Х.Попов усматривает пути выхода из кризиса в ускоренном переходе к постиндустриализму. За “постиндустриальную глобальную информационную культуру”, противопоставляемую “религиозным, мистическим и теологическим” взглядам, ратуют и авторы Гуманистического манифеста.

Чтобы освежить в памяти происхождение подобных взглядов на соотношение науки и религии, обратимся к такому авторитетному, хотя и специфическому источнику, как один из вышедших в начале XX в. масонский журнал “Акация”: “Общество всегда делится на два лагеря, две Церкви, две группы. Одна – более обширная ... состоит из верующих людей; другая, менее значительная, – из рационалистов. Первые – слепо веруют, вторые – все подвергают критике разума...”¹⁵.

Излишне напоминать, что основу данного взгляда составляют идеи Просвещения, а одним из основоположников их распространения в политической сфере справедливо считается идеолог Французской революции Ж.-Ж.Руссо.

Вот характеристика этого “светоча демократической мысли”, приведенная одним из признанных авторитетов мировой психопатологии – профессором Ч.Ломброзо: “Под влиянием мании, считая себя гонимым, он написал «Диалоги: Руссо судит Жан Жака», где ...подробно и тщательно изобразил свои галлюцинации. ...Руссо обратился с письмом ...к самому Богу, а чтобы оно вернее достигло своего назначения и принесло ожидаемую пользу, положил его и рукопись «Диалогов» под ал-

тарь церкви Богоматери в Париже... (Не получив ответа, по-видимому, утвердился в своем атеизме – Авт.).

На основании всех этих фактов нельзя не признать справедливым мнение Вольтера и Корансе, что Руссо был сумасшедший, и сам всегда сознавался в этом”. (Приведенные Ломброзо пикантные подробности личной “конституции” Руссо в интимной сфере опускаем; отметим лишь, что, по мнению психиатра, “они, по всей вероятности, обусловливались поражением спинного мозга и должны были, без сомнения, усиливать припадки меланхолии” – Авт.)¹⁶.

Между прочим, первичной формой объединения вдохновленной идеями Руссо “французской революционной интеллигенции”, как показывают русские дореволюционные историки масонства, служила “Ложа наук” (“Ложа девяти сестер”), включавшая, наряду с Вольтером, Дантоном, Кондорсэ, Лаландом, Лафайетом, Ларошфуко, также Джефферсона и Франклина, идеологов еще одной революции – американской¹⁷.

Характеризуя природу европейского рационализма, по сути, как эзотерическую, О.Шпенглер указывал, что в рамках породившего его аристотелевского преобразовательного подхода “старая религия” (христианство – Авт.) оказывается необходимой лишь “необразованным”¹⁸ (“просвещенные” в ней не нуждаются).

Отметим, что на востоке Европы, в противовес Западу, еще в IX в. византийским патриархом Фотием и его предшественником св. Иоанном Дамаскиным был сформирован принци-

ально иной, познавательный подход, заимствованный впоследствии русской духовной философской традицией. (Светская же традиция, сформировавшая феномен русской интеллигенции, во многом уподобившейся в своем революционизме французским собратьям по “цеху”, как показано в вышеупомянутых дореволюционных трудах, изначально создавалась на квазидуховной основе, альтернативной автохтонному православию, тесно связанной с вольтеррианством и через него – все с тем же масонством¹⁷).

В рамках познавательного подхода наука и религия не противопоставляются, а взаимно дополняют друг друга как две стороны единого процесса познания – логическая и сенсорная (чувственная).

Функциональность именно такого видения, служащая надежным опровержением западного рационализма доказывается опытом успешной психологической войны самого Запада против СССР, осуществлявшейся в рамках Гарвардского проекта (по линии ЦРУ курировался д-ром К.Левиним – создателем “Управления планирования стратегических бомбардировок”, ответственного, в частности, за трагедию Дрездена в апреле 1945 г.).

Не случайно в предисловии к одному из аллегорических романов Г.П. Климова – советского военного психолога, перешедшего на Запад в 1947 г., руководившего одним из направлений Гарвардского проекта, профессор Стратфордского университета (США) С.П.Новиков отмечал: “...История показала, что религиозный подход – наиболее рациональное решение этих тяжелых проблем. ...Потому что там, где искали другие выходы, – там приходили к чисткам, концлагерям и газовым камерам”¹⁸.

Второй аспект нашего анализа: установка на тотальное обновление, базирующаяся на представлении о том,

что некий “перелом” в развитии человечества наступает именно сегодня. И это при том, что “переломным” в западной политической мысли неизменно рассматривается практически любой период XX в., о чем можно судить, в том числе, по названиям соответствующих президентских программ в США: “новый курс” Ф.Д.Рузвельта, “новые рубежи” Дж.Кеннеди, “новый мировой порядок” Дж.Буша-старшего и т.д.

Шельмование и дискредитация традиции, стремление “очистить” от нее современность – изобретение отнюдь не сегодняшнее. В философии Г.Уэллса, например, содержится требование реформы преподавания истории, которую он предлагал переименовать, назвав “человеческой экологией” или “социальной биологией”.

От национальной истории предлагалось перейти к “одинаковой мировой”, а от истории обществ – к истории “обыденного человека”²⁰.

В “раннем” СССР эта идея была реализована на практике, причем, с опережением уэллсовского “графика” в рамках доминировавшей до 1934 г. “школы М.Н.Покровского”.

Между тем, как убедительно доказано еще А.Х.Бенкендорфом, всякое “новое”, особенно в сфере социальных отношений, – это не что иное, как способ разделаться со “старым”, представив его якобы “отжившим”²¹ или, по выражению авторов Гуманистического манифеста, “доурбанистическим” и изменить тем самым ход мирового развития, переведя его в режим ручного управления.

Искомый результат достигается с помощью несложной двухходовки, описанной современной синергетикой в теории управления хаосом. Основы этой теории в сфере политики представлены целым спектром разнообразных работ – от учения о “субъективном факторе” (В.И.Ленин) до закона

“третьей силы” в эзотерике Г.И.Гурджиева²².

Из разработок С.Манна и других практиков “управления хаосом” в современном американском внешнеполитическом планировании, вышедших из специализированного “профильного” института “Санта-Фе” (США), следует, что сначала осуществляется подрыв социокультурных основ – системы ценностей, составляющей смысловой центр (аттрактор) той или иной цивилизации. Затем, после обрушения системы в результате точечного “подталкивающего” воздействия в “точке бифуркации”, в нее вводится новый аттрактор – уже не автохтонный, а заимствованный. Подмена им разрушенной (или деформированной до неузнаваемости) традиционной ценностной шкалы снимает препятствия на пути к вовлечению данного субъекта в унифицирующую перестройку мироустройства, миропорядка и образа жизни^{23*}.

В этой нехитрой социальной технологии, демонстрируемой жителям бывшего СССР, начиная с горбачевского “нового мышления”, ставшего прологом к августу 1991 г. и современным “цветным” революциям, отыскиваются корни столь необузданного стремления прозападных элит постсоветского пространства к “новой цивилизации”, “новому устойчивому глобальному обществу”, “новому планетарному гуманизму”, “общепланетарному мировоззрению” и т.д.

Конечная задача этих и других подобных концепций – убедить общество в необратимости глобализации как некоего объективного, “естественно-исторического” процесса, динамика которого на самом деле поддерживается совсем иными, прежде всего корпора-

тивными интересами. Поэтому Г.Х.Попов рассматривает распад СССР не национальной и государственной катастрофой, чем он является в действительности, а “Великой антисоциалистической революцией”.

Для иллюстрации попытаемся представить, какой пропагандистский шум был бы поднят западными СМИ и прочей “прогрессивной общественностью” в ответ, например, на гипотетическое предложение положить в основу глобальной цивилизации исламскую традицию, закрепив ее цивилизационную систему ценностей в качестве “общечеловеческой”. (Протестантских традиционалистов – и тех шельмуют, обыывая “палеоконсерваторами”).

А вот подсовывать, точнее, навязывать человечеству выстроенные на масонстве постхристианские ценности современного англосаксонского Запада – в этом г-н Попов и иже с ним никакой предосудительности, разумеется, в упор не видят.

“Как, вы еще не убедились в торжестве демократических идеалов? Тогда наши бомбардировщики летят к вам! Сейчас вот только русские ракетно-ядерные вооружения сократим – и сразу полетим”.

Между тем, в самой Европе необратимость глобализации давно уже стоит под вопросом.

Так, еще *Ф.Бродель*, а вслед за ним и *М.Тэтчер* утверждали, что в преддверие Первой мировой войны уровень интеграции мировой экономики, по крайней мере, не уступал нынешнему, если его не превосходил.

Создатели миросистемной теории, а также *Зб.Бжезинский*, *А.Дж.Тойнби* и другие апологеты англосаксонского глобализма настаивали на множествен-

* Именно это, с согласия поздней советской “элиты” в период “перестройки”, было проделано с СССР.

ности глобализаций, каждая из которых ими связывалась с определенным лидером и устанавливаемым им мировым порядком.

Н.Д.Кондратьев пришел к аналогичному выводу, рассматривая динамику глобализации сквозь призму долговременных экономических циклов^{6,24,25}.

Того же мнения придерживаются и российские исследователи.

Так, заместитель директора Института США и Канады РАН *А.И.Уткин*, не ставя под сомнение объективный характер глобализации как продукта техноэкономического развития, нейтрального в социально-политическом отношении, отделяет в ней политический аспект от экономического, а эксперт “Горбачев-фонда” *А.Б.Вебер* – идеальный от материального, рассматривая данный феномен как политику, обслуживающую определенные интересы (то есть, как субъективный фактор)^{26,27}.

Несостоятельность попыток глобальной унификации убедительно доказывается синергетикой, признающей наличие у глобализации двух сторон – относительной и абсолютной.

Относительность заключается в чередовании активной и пассивной ее фаз, то есть становления и разрушения локальных и глобальных иерархий (порядка и хаоса).

Абсолютная же глобализация рассматривается одновекторным, но исторически бесконечным процессом, внутри которого конкурируют различные модели, в том числе обнаружившие себя в период подготовки к лондонскому саммиту “двадцатки”.

Третий аспект: противоречивость в рассматриваемых документах представлений о постиндустриализме и постмодернизме.

С одной стороны, они противопоставляются друг другу, как это, например, делается авторами Гуманистического манифеста, провозглашающими “новый планетарный гуманизм” “постпостмодернистским”, то есть отрицающим постмодернизм как антитезу постиндустриализму, а с другой – сам манифест открывается опосредующей христианскую традицию и потому откровенно постмодернистской апелляцией к “...философии и поэзии древних Греции и Рима, Китая времен Конфуция, движению чарвака в классической Индии” как этическим, научным (!) и философским основам гуманизма”. Особую пикантность этой “оговорке по Фрейдю” придает взгляд на постмодернизм как на сугубо “философско-литературное течение”. Это в корне противоречит сложившемуся в современной науке видению его, прежде всего, стратегией и идеологией нового мирового порядка, утверждающей в обществе тот самый горизонтальный тип связей, который последовательно отстаивается концепцией “устойчивого развития”, Гуманистическим манифестом и “Хартией Земли”.

Так, Е.Л.Петренко, например, отождествляет постмодернизм с уходом траектории развития общественных отношений от институтов Модерна к новому типу общества; Ю.В.Ирхин напрямую связывает его, во-первых, со студенческой “революцией” 1968 г. во Франции, а во-вторых, с научно-технической и информационной революцией, то есть с противопоставляемым постмодернистскому тренду постиндустриализмом. В данном прочтении постмодернизм помещается внутрь теории модернизации, опосредуя не только христианскую (от Античности к Модерну, минуя Средневековье), но и вообще любую традицию, за исключением масонской.

При этом ключевая роль масонства во внедрении постмодернизма демонстрируется его “источниками и составными частями”. Наиболее фундаментальным из них, вслед за каббалой, алхимией и утопизмом, следует признать диалектическую триаду Г.В.Ф.Гегеля (как метод управляемого продвижения к Абсолюту в образе “Великого Архитектора Вселенной”). Использование гегелевской диалектики в качестве методологии нерегулярного масонского ордена “Череп и кости” (Йельский университет, США), “осью” которого явился альянс семейств Бушей и Гарриманов, приложивших руку к приводу к власти в Германии нацистов, признается как американскими, так и рассекреченными российскими источниками²⁸.

Еще одним источником масонства является теософия Е.П.Блаватской (Ган), требующая внедрения мировой синкретической религии.

Итоги I Всемирного сионистского конгресса в Базеле (1897 г.), оформившего политические версии как светской, так и религиозно-мистической доктрин сионизма, способствовали если не интеграции, то сближению регулярного (либерального) и нерегулярного (революционного) масонства. Тем самым было ускорено формирование как легальных (двухпартийные системы), так и тайных, а также латентных институтов глобального управления политическими процессами. Кроме структур собственно масонского типа (женевское Международное бюро масонских связей, орден “Бнай Брит” и др.), данный перечень включает “элитарные” клубы, претендующие на управление глобальными процессами (Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия и др.).

Через призму именно этой логики автор рассматривает предложение

Г.Х.Попова заменить партии и другие вертикально интегрированные государственные институты системой общественного управления со ступенчатым делегированием полномочий снизу – неким микстом анархистских концепций “общественного самоуправления” с “ранними” Советами классового типа, а также горизонтально организованными трансграничными профессиональными объединениями, творческими союзами и обществами потребителей. (Заодно, как видим, отыскиваются и корни нынешней реформы образования, ориентированной, как следует из откровения министра А.А.Фурсенко, отнюдь не на подготовку инновационных прорывов, а на создание в России класса “цивилизованных потребителей”).

Находясь в здравом уме и доброй памяти, г-н Попов, разумеется, не рассчитывает на адекватную замену государственной власти не входящим в ее структуру по действующей Конституции РФ местным самоуправлением. Да это и не входит в его планы. Поэтому, выступая за “децентрализацию” власти, он благоразумно не употребляет более адекватные в данном случае термины – “деструкция” и “коллапс”. Вместе с тем, как человек неглупый, он не может не осознавать, что при реализации подобных планов именно это и произойдет. Получается, что мы имеем дело с персонифицированной в образе данного деятеля “пятой колонной”.

Отсюда логично вытекает безоговорочно постмодернистское содержание институциональной части политической программы рассматриваемых документов. В двух из них – статье Г.Х.Попова и Гуманистическом манифесте – формирование “новой ООН”, “Мирового парламента” и, как следствие, “Мирового правительства”, а также полномочного “Мирового суда”,

единой налоговой системы и других глобальных институтов – поставлены во главу угла “глобальной политической перспективой” и предлагаемого “Планетарного Билля о правах и обязанностях” (соответственно).

Отметим, что на языке американских “ястребов” – от Дж.Маккейна до М.Олбрайт и назначенного уже при Обаме послом США в НАТО А.Даалдера – “новая ООН” именуется “Лигой демократий”, призванной легализовать применение силы, исходя из западных представлений о “моральных принципах”, без мандата Совета Безопасности ООН и, тем более, без всякого права вето.

В “Принципах Хартии Земли” “мировое правительство” стыдливо замалчивается и подменяется эвфемизмами “созидательное управление” и “устойчивый образ жизни”, разумеется, “обязательными” к внедрению на всех уровнях – от локального до глобального. Тем не менее, и в этом документе его “уши” торчат практически отовсюду, например, из анекдотических пацифистских пассажей, вроде “уничтожения всех видов оружия массового поражения” и “демилитаризации (!) систем национальной безопасности” (а-ля Троцкий: “ни мира, ни войны, а армию – распустить” – с теми же прогнозируемыми последствиями, что и в марте 1918 г.).

Что же это за “программа”, продвигаемая под навязчивую мантру о неизбежности в ином случае конфликтов “за Ледовитый океан, Антарктику, Луну и Марс, космос” и призывов исключить из “мирового сообщества” не принявшие ее государства?

Ведь состав “новой ООН” – “элиты”, уполномоченной формировать “мировое правительство”, распоряжаться монополией на ракетное и ядерное оружие и технологии, запасы угле-

водородного сырья, осуществлять “рациональное расселение человечества”, а также контроль над рождаемостью и “очистку генофонда”, заведомо ограничивается 30–50 участниками. И “безъядерная”, лишенная права вето Россия в них, разумеется, не войдет.

Для ответа на этот вопрос стоит вновь обратиться к Г.Уэллсу. На этот раз к его “Открытому заговору”, разработка которого осуществлялась на рубеже 20-х – 30-х годов при всестороннем содействии будущего Нобелевского лауреата Б.Рассела – автора известного манифеста, призывавшего к созданию “мирового правительства”, а также при поддержке известного недоброжелателя России лорда А.Бальфура. Вот своего рода “выжимка” из этого программного опуса:

– практическое и теоретическое утверждение временного характера существующих правительств и обусловленность их существования “нашим согласием”;

– решимость минимизировать конфликты с правительствами, использование индивидуальных интересов для воспрепятствования вмешательству правительств в мировую экономическую систему (становятся понятными как происхождение столь навязчиво внедряемого либералами индивидуализма, так и конечная цель – *Авт.*);

– решение заменить местное частное или национальное владение, хотя бы в сфере кредита, транспорта и сырья ответственной мировой службой;

– признание необходимости мирового биологического контроля (!), например, над рождаемостью и заболеваниями;

– подчинение личной жизни (!) идее создания мирового правительства, способного воплотить эти задачи в жизнь²⁹.

Как видим, одного лишь перечисления пунктов “Открытого заговора” достаточно для того, чтобы уличить как г-на Попова, так и авторов рассматриваемых документов в неприкрытом плагиате. Причем, не только Г.Уэллса, но и, например, У.Черчилля, изложившего требование международно-правового закрепления ядерной монополии США, Великобритании и Канады еще в знаменитой Фултонской речи³⁰.

Между тем, никто никого и ни в чем не уличает. Происходит так, видимо, потому, что идея подобного иерархического миропорядка была высказана еще до появления “Открытого заговора”. И принадлежит она не Уэллсу, Расселу или Бальфуру, а участникам состоявшегося во второй половине 20-х годов “Конгресса масонов союзных и нейтральных стран”. Русский профессор-эмигрант А.Н.Мандельштам тогда подвел его итоги следующим образом: “...Союз всех народов, ведающий общими интересами всего человечества; в пределах этого союза большие группировки государств, связанных общими интересами; отдельные автономные государства в пределах каждой группы народов, в компетенцию которых входит защита чисто местных государственных интересов”³¹.

Четвертый аспект. Характерная для рассматриваемых документов игра в “злого” и “доброе” следователей, первый из которых призывает к “мировому правительству”, а второй якобы ищет ему “альтернативу”, также началась не сегодня.

В сфере теории она уходит корнями в 60-е – 70-е годы, в полемику “техно-

оптимистов”, не только абсолютизовавших возможности научно-технического прогресса, но и распространявших его на социально-политическую сферу, и “технопессимистов”, возлагавших на него ответственность за экологические последствия.

Так, противовесом школе “Проект моделей мирового порядка” (С.Мендловиц), доклады которой в начале 70-х годов вызвали неоднозначную реакцию на самом Западе из-за открытой апологии “мирового правительства” и религиозно-культурной унификации человечества, стал рассматриваться Римский клуб*.

При ближайшем рассмотрении, как и следовало ожидать, быстро выяснился нарочито показной характер разногласий. Непонятно, чем отличаются от идеи “мирового правительства” (а также от “Открытого заговора”), например, следующие предложения Римского клуба:

- преобразование существующих институтов в специализированные “горизонтальные агентства”, действующие на корпоративном, национальном и региональном уровнях (Э.Ласло);

- создание “системы связанных, но географически различно расположенных центров принятия социально ответственных решений, действующих на всех уровнях человеческой организации” (А.Печчеи);

- формирование глобального управления (!), основанного идеологически – на передаче международных функций неправительственным (наднациональным) органам, а организационно – на системе институтов, координирующих

* Здесь выясняется происхождение и смысл существования “зеленого” движения; понятно, что это никакая не альтернатива глобализму, а искусственно выведенный им в политической “пробирке” спарринг-оппонент, настоящей задачей которого является дискредитация самой идеи как противостояния глобализации, так и подлинной демократизации международных отношений.

действия государств “от имени народов, а не элит и бюрократий” (А.Кинг – Б.Шнайдер)³².

Стати, противопоставление народов государствам и правительствам – излюбленный прием глобалистов любого толка. И исторические параллели, вроде “превращения империалистической войны в гражданскую”, здесь напрашиваются сами собой.

То же и сегодня. Если г-н Попов и авторы Гуманистического манифеста открыто поощряют укрепление технократии и институционализацию мировой власти, то создатели концепции “устойчивого развития” и “Принципов Хартии Земли” театрално возмущаются тупиками технологического общества, повторяя при этом аргументы Римского клуба. Однако это не мешает авторам “Организационной структуры” той же “Хартии Земли” ни создавать глобальные “сетевые” органы управления (Комиссию, Руководящий комитет, Международный секретариат), ни подрывать национально-государственные суверенитеты вовлечением в контролируемую ими “сеть координационных советов и партнерских организаций” не только “тысяч отдельных лиц”, но и органов государственной власти, например парламента Республики Татарстан.

Отношения “технооптимистов” и “технопессимистов” окончательно проясняются при упоминании о Конференции по трансатлантическому дисбалансу и сотрудничеству (май 1967 г., Де-вилль). В изданной по ее результатам книге “Перед бездной” основатель Римского клуба и руководитель Экономического совета Североатлантического (то есть, натовского) института “технопессимист” А.Печчеи, казалось бы вопреки логике “технопессимизма”, требует “установления контроля над будущим” путем создания “единого

мирового правительства” вслед за “технооптимистом” Зб.Бжезинским – одним из создателей и первым директором Трехсторонней комиссии, обнародовавшим материалы той же самой конференции в другом, не менее впечатляющем “труде” – “Между двух веков. Роль Америки в технотронной эре”. Лишний повод убедиться в отсутствии реальных разногласий между двумя течениями, разыгрывающими перед общественностью для ее дезориентации многолетний спектакль.

Получается нечто вроде борьбы “нанайских мальчиков”. Или двух рук, управляемых одной головой.

Что же это за голова?

Ф.Энгельс признает, что формирование первых пролетарских организаций протекало путем выделения наиболее радикальных элементов из либеральных (“демократически-республиканских”) тайных общин или “лож”. Экспансия “нового”, о которой в России упоминал А.Х.Бенкендорф, а на Западе – основатель консерватизма Э.Берк, как правило, осуществлялась тайными обществами с помощью модернистских политических идеологий – либерализма, марксизма, анархизма³³.

Если верить А.Гизе, “великому мастеру” Великой (масонской) ложи Австрии (в 1985–1996 гг.), именно масонство, рассматривающееся им в качестве инструмента партнерства в условиях буржуазной конкуренции, обеспечило сближение немарксистского (лейбористского) и марксистского (социал-демократического) социализма с либерализмом и образование “широкого” либерально-социалистического консенсуса как доминирующего типа политической культуры Запада. Возглавляющий упомянутый орден “Бнай Брит” Г.Киссинджер признает, что за рамками Запада “широкий” либерально-социалистический консенсус (именуемый

им принципом “лояльной оппозиции”) неактуален^{34, 35}.

Общая роль в этом консенсусе принадлежит Фабианскому обществу, составляющему одну из идейных основ британского лейборизма, образованному в 1884 г. с участием все того же Г.Уэллса. В центре современной деятельности фабианцев находится апология постиндустриализма, рассматривающая общество через призму идей Римского клуба, а также теории и практики Социнтерна*.

С другой стороны, отмечается связь Фабианского общества с либеральными структурами.

Среди них выделяются влиятельная американская неправительственная организация “*Heritage Foundation*” (Фонд “Наследие”), общество “*Mont Pelerin*”, легальным крылом которого является лондонский Институт экономических отношений, связанный с деятельностью основоположников либерально-монетаристской школы Ф.-А. фон Хайека и М.Фридмана³⁶.

Таким образом, становится понятным внимание, уделяемое авторами Гуманистического манифеста подписанию его “как либералами и сторонниками экономической свободы, рыночных отношений, так и социал-демократами и демократически настроенными социалистами, полагавшими, что государственная власть должна играть определяющую роль в управлении народным хозяйством”.

Следуя этой логике, остается признать, что конечным “общим знаменателем”, обеспечивающим партнерство “технооптимистов” с “технопессимистами”, либералов с социал-демократами, Римского клуба с Трехсторонней комиссией и т.д. в поиске путей “уп-

равления будущим” (которое на наших глазах стремительно превращается в настоящее), как раз и являются масонство и идея “мирового правительства”.

Или “нового мирового порядка”, концепция которого может рассматриваться своего рода фигурой умолчания или неким расширительным толкованием, увеличивающим ее авторам пространство маневра и спектр возможностей.

Как не уловить взаимосвязь этих тенденций с разделением масонства на регулярное, контролирующееся с XVI в. британской монархией, и нерегулярное, сложившееся в канун Французской революции в результате включения в него революционно-социалистической доктрины ордена иллюминатов. А также с главной идеей ноябрьского опуса Ходорковского – “глобальной перестройкой” как управляемой трансформацией “неолиберальной” эпохи в “неосоциалистическую”, для последующего возврата уже в “нео-неолиберализм”³⁷.

Специального анализа требует вопрос использования против нашей страны еще одной глобалистской концепции – “прав человека”, накрепко связанной с проблематикой так называемого “глобального гражданского общества”.

Прежде всего, отметим особое место, которое отводится проблеме “прав человека” как в Гуманистическом манифесте (упомянутый “Планетарный Билль о правах и обязанностях”), так и в масонских доктринах, что наглядно иллюстрируется еще одной ссылкой на А.Гизе.

“Работа масонов, – поучает сей “просвещенный муж” “профанов” (то есть, непосвященных в масонство – Авт.) – делится на зримую, видимую обществу, и невидимую.

* Показательным и символичным представляется нахождение в Лондоне штаб-квартир обоих идеологических интернационалов – Либерального и Социалистического.

...Кто первым заговорил о правах человека и сформулировал соответствующие законы? Кто попытался провести их в жизнь? Кто первым отважился заявить о гуманности и терпимости, сделать их обязательными составляющими жизненного уклада? Ответ прост – масоны^{13и} (курсив мой – Авт.).

Комментарии здесь излишни. К сожалению, широкой общественности малоизвестно, что наукообразный синоним терпимости – “толерантность” – является на самом деле не политическим, а медицинским термином и обозначает не что иное, как утрату организмом иммунитета. Похоже, не правда ли?

В связи с этим подчеркнем особую роль, которая отводится в продвижении концепции “прав человека” Европейскому союзу. Не случайно, что именно к его опыту будто по команде обращаются как г-н Попов, рассматривающий ЕС “прообразом мирового правительства”, так и авторы Гуманистического манифеста, считающие Европейский парламент таким же прообразом парламента “Мирового”.

Сосредоточимся на кратком контент-анализе основополагающих для темы “прав человека” документов ЕС – Парижской хартии для новой Европы и Хартии об основных правах ЕС.

Первая из этих “хартий” четко увязывает принцип “прав человека” с “политической демократией”, ограничивая тем самым принцип суверенитета не только в выборе форм политического устройства, но и в части принятия обязательств по поддержанию дружественных отношений с США.

Автору уже приходилось подчеркивать, что требования данного документа распространяются не только на евроатлантическое сообщество, но и на

всех членов Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), включая Россию.

Следовательно сказать, что подписание ее нашей страной явилось серьезной ошибкой, значит не сказать ничего.

Кроме того, в Хартии резко поднимается статус СБСЕ, которое было трансформировано в одноименную Организацию (ОБСЕ) – институт, формирующий многоуровневую систему консультаций и взаимных обязательств, функционирующих как на регулярной основе, так и в чрезвычайных ситуациях.

Второй из рассматриваемых документов – Хартия об основных правах ЕС, апеллируя к цивилизационному фактору (“духовному, нравственному и историческому наследию народов Европы”) и опыту Совета Европы (1949 г.), расширила данный подход за счет включения геополитических целей.

Во-первых, концепция “прав человека”, однозначно увязываемая с европейскими (то есть, западными – Авт.) ценностями, была представлена здесь в качестве “мирового гуманитарного стандарта” (курсив мой – Авт.).

Во-вторых, на этой основе не только формировались представления о “демократическом глобализме будущего”, но и закладывался фундамент соответствующих документов.

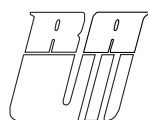
Например, декларировались гарантии защиты “прав человека” не только от государств, но и от надгосударственных организаций и их органов, а также обусловленное этим требование ускорить формирование в странах ЕС гражданских обществ. Этим накладывались дополнительные ограничения на государственные суверенитеты в части политического выбора^{21, 6}.

Примечания

¹ Кургинян С.Е. Кризис и другие // Завтра. 2009. № 18. 29 апреля.

- ² *Елисеев А.В.* “Вашингтонский обком” или мировое правительство? // <http://www.pravaya.ru/look/16975?print=1>.
- ³ *Саймс Д.* Москва изменила динамику переговоров с Вашингтоном // Дипкурьер (еженедельное приложение к “Независимой газете”). 2009. 23 февраля.
- ⁴ *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 17.
- ⁵ *Попов Г.Х.* Кризис и глобальные проблемы (к апрельской встрече глав двадцати стран мира) // Московский комсомолец. 2009. 25 марта.
- ⁶ Глобалистика // Международный энциклопедический словарь / Ред., сост. – И.И.Мазур, А.Н.Чумаков. М. – СПб. – Нью-Йорк, 2006. С. 628, 804, 916–918, 782–783, 187, 165–166, 970–971.
- ⁷ Политология // Энциклопедический словарь / Ред. – Ю.И.Аверьянов. М.: МКУ, 1993. С. 220–221, 63–64.
- ⁸ *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2002. С. 254, 235.
- ⁹ *Хомяков В.* Человечеству предлагают “гуманистический” сатанизм? // <http://www.religare.ru/print7637.htm/tp:/article64109.htm>.
- ¹⁰ <http://www.osu.ru/osu/bibl/elizd/credo/index.shtml>.
- ¹¹ *Чернуха В.В.* Поляризация теория Мироздания. М., Атомэнергиздат, 2008.
- ¹² *Солженицын А.И.* Перерождение гуманизма. Речь при вручении Большой премии Академии нравственных и политических наук Франции // <http://www.ambafrance.ru/gournal/n1/1-5.html>.
- ¹³ Хартия Земли // <http://www.earthcharter.ru/zchart.htm>; Организационная структура Хартии Земли // <http://www.earthcharter.ru/zorg.htm>;
- ¹⁴ *Жуков В.И.* Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3-х томах М.: РГСУ, 2007. Т. I. С. 417.
- ¹⁵ Париж. 1903. № 3. С. 435.
- ¹⁶ *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. Гл. VI // <http://psylib.org.ua/books/lombr01/txt06.htm>.
- ¹⁷ Массонство в его прошлом и настоящем / Ред. – С.П.Мельгунов, Н.П.Сидоров. В 2-х книгах. М.: ИКПА, 1990 (репринтн. изд. 1914 г.). Кн. 1-я. С. 46–48.
- ¹⁸ *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х томах. М.: Мысль, 1998. Т. 2. С. 318.
- ¹⁹ *Новиков С.П.* Запретный плод. Предисловие к роману Г.П. Климova “Князь мира сего”. Сан-Франциско: Глобус, 1980 // <http://klimov.at.ua/klimov/knjaz/Kn00pred.htm>.
- ²⁰ *Уэллс Г.* Яд, именуемый историей. М.: 1964. Собр. соч. В 15-ти томах Т. 15. С. 407.
- ²¹ *Бенкендорф А.Х.* Записка о тайных обществах в России // Антология мировой политической мысли // Ред. – Г.Ю.Семигин. В 5-ти томах. М.: Мысль, 1997. Т. III. С. 656–667; Т. V. С. 619–625.
- ²² *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 26. С. 219; *Кучеренко В.А., Гурджиев Г.И.* Эзотерическая философия. М. – Ростов-на-Дону: ИЦ “Март”, 2006. С. 39–40.
- ²³ *Манн С.* Реакция на хаос // http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html.
- ²⁴ *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статистики и динамики (предварительный эскиз). М.: Социологос, 1991.
- ²⁵ *Эмар М.* Цивилизации в историческом контексте // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски / Ред. – Т.Т.Тимофеев. М.: Вариант, 2002. С. 267.
- ²⁶ *Вебер А.Б.* Глобализация и устойчивое развитие: проблемное поле и возможные сценарии // Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски / Ред. – Т.Т.Тимофеев. М.: Вариант, 2002. С. 283;
- ²⁷ *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2006. С. 52–53.
- ²⁸ *Саттон Э.* Как Орден организует войны и революции. М.: 1995. С. 7–14; *Рудаков А.Б.* Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха. М.: Вера, 2008. С. 12.

- ²⁹ *Wells H.G.* Experiment in autobiography. Discoveries and conclusions of a very ordinary brain (since 1866) // N.-Y.: The Macmillan Co., 1934. P. 556; *Ibid.* The World of William Clissold. London, 1926. P. 184.
- ³⁰ *Черчилль У.* Мускулы мира (речь в Фултоне 5 марта 1946 г.) // Мировой кризис. Сб. М.: ЭКСМО, 2007. С. 748.
- ³¹ Цит. по: *Марков Н.Е.* Войны темных сил. В 2-х томах. Париж, 1930. Т. 2. С. 67–69, 76–77.
- ³² *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. Первый доклад (отчет) Римского клуба // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Ред. – Д.М.Гвишиани. М.: URSS, 1997. С. 228; *Ласло Э.* Цели для человечества. Доклад Римскому клубу // Там же. С. 247; *Печчен А.* Человеческие качества. М.: 1980. С. 262.
- ³³ *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993; *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 2-х т.омах. М.: Госполитиздат, 1952. Т. II. С. 321–323.
- ³⁴ *Гизе А.* Вольные каменщики. М.: изд. А. Жигульского, 2006. С. 49;
- ³⁵ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 739.
- ³⁶ *Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике. XX век. М.: Русский мир, 1998. С. 92–93; *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 27. С. 490; Т. 30. С. 444–445.
- ³⁷ Вестник. 2008. 7 ноября.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru